

Этимологические
заметки о русском
семинарском
жаргоне:
взъефантулить,
сморозить, *аксиос(ви)**

Some Etymological
Notes on the Russian
Seminarian
Slang:
Vz''efantulit',
Smorozit', *Aksios(y)*

**Игорь Георгиевич
Добродомов**
Московский педагогический
государственный университет

Igor G. Dobrodomov
Moscow State Pedagogical University

Резюме

Три отдельные заметки объединены тем, что рассмотренные в них слова происходят из русского семинарского жаргона и являются грецизмами, причём в двух первых случаях неочевидными, каламбурными. Редкий глагол *взъефанту́лить* 'подвергнуть кого-либо жестокому наказанию' (и его производные *взъефанту́лка*, *взъефанту́ливание*) связан с библейским семитизмом *ἐφφάδα* (Мк 7.34), прочитанным "по Эразму" (ср. лат. *eppheta*) и прошедшим ряд словообразовательных трансформаций. Для глагола *сморозить* 'сказать глупость' приведены дополнительные аргументы в пользу его происхождения в результате контаминации русского и греческого слов в семинарской или гимназической среде, а также исчерпывающе прослежена его лексикографическая фиксация и история изучения. Наконец, в очерке о слове *аксиос* 'церковный возглас «Достоин!»' и его шутовском переносном употреблении во мн. ч. *аксиосы* 'волосы' рассмотрена вся история бытования этих лексем в разных формах существования русского языка, включая диалектные.

* Автор благодарен коллегам А. И. Грищенко, Е. В. Михайлову-Длугопольскому и В. В. Шаповалу за обогащение этих заметок новым материалом и его осмысление.

Ключевые слова

русский язык, жаргон, заимствования из греческого, семинаристы, этимология, социолингвистика, история слов, лексикография, орфография, словообразование, Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский

Abstract

These three separate notes are united by the fact that the words considered originated from Russian seminarian slang and borrowed from Greek, with the first two words illustrating unobvious, punning Graecism. The rare verb *vz''efantulit'* 'to subject smb. to cruel punishment' (and its derivatives *vz''efantulka*, *vz''efantulivan'e*) is related to the Biblical Semitism ἐφφαθά (Mark 7.34), which was read "by Erasmus spelling" (cf. Latin *eppheta*) and passed through a series of word-building transformations. The verb *smorozit'* 'to say smth. stupid or inappropriate' has additional arguments in favor of its origin from contamination of Greek μωρός and Russian мороз in a Russian seminarian or gymnasial environment. The author has also extensively traced the way this verb is defined in dictionaries and researched by other scholars. Finally, an essay on the word *áksíós* 'church acclamation «He is worthy!»' (from Greek ἄξιος) and its comic figurative pl. *áksíósy* 'hair' considers the whole history of the usage of these lexical units in all registers of the Russian language, including dialects.

Keywords

Russian, slang, borrowings from Greek, seminarists, etymology, sociolinguistics, word history, lexicography, orthography, derivation, Nikolai Leskov, Fyodor Dostoyevsky

I. *Взьефантулить*

Большой интерес для этимологии русских семинаризмов представляет глагол *взьефантулить* и производное от него имя действия *взьефантулка*, которые не попали в русскую лексикографию, хотя эпизодически встречались в русской литературе в XIX–XX вв., причём они иногда попадали в поле зрения языковедов, но не становились объектом их пристального внимания¹. В словарях и текстах социальная соотнесённость

¹ Кроме того, в русских говорах отмечено несколько глаголов с внешне схожим потенциальным корнем и даже иногда и значением, но с иной морфологической структурой: новгор. *взьефэрить* 'припугнуть, пробрать, сделать выговор' [СРНГ, 4: 270], *подьефэрить* / *подьефэривать* новгор., псков., твер., пенз., сарат. 'подговаривать, подстрекать, подзадоривать', волог. 'надоумливать, подсказывать', сарат. 'наушничать, сплетничать', псков., сарат. 'привирать, плести', новгор., тамбов., твер., псков., пенз. 'поддразнивать, подсмеиваться', ср. также: *подьефэриваться* твер. 'подольщаться', пенз. 'принаряжаться, приукрашаться', смол. *подьефэриться* 'приспособиться, подладиться', арханг. *подьефэить* 'посчастливиться', 'польстить, угодить', а также производное со значением лица — горьк. *подьефэра* 'хитрый, ловкий подстрекатель' [СРНГ, 28: 266]. Ввиду расплывчатости семантики и варьирования формы, все эти слова для этимологизации глагола *взьефантулить* в настоящей заметке не используются.

лексики указывается нечасто, и поэтому определять её приходится по разным косвенным признакам, что не всегда обеспечивает надёжный результат.

В. В. Виноградов сокращённо и не вполне точно неоднократно цитировал значительный текстовый пассаж из “Мелочей архиерейской жизни” (1880) Н. С. Лескова с писательскими комментариями к загадочным словам в разговорах чиновников канцелярии московского полковой генерала о возможных результатах комичного конфликта последнего с московским же митрополитом Филаретом (Дроздовым), не отделяя слов *взъефантулить*, *взъефантулка* от “жаргона мелкого чиновничества” [Виноградов 1941: 19; Виноградов 1968: 9]:

Здѣсь, среди этихъ форменныхъ людей, въ которыхъ, не смотря на всю строгость ихъ служебнаго уряда, все-таки билось своимъ боемъ настоящее широкое русское сердце, шли только тишкомъ сметки на свойскомъ жаргонѣ: “какъ то т ъ н а ш е г о : вздрючить, или взъефантулить, или пришпандорить?”

Слова эти, имѣющія не ясное значеніе для профановъ, — для посвященныхъ людей содержатъ не только опредѣлительную точность и полноту, но и удивительно широкій масштабъ. Самые разнообразныя начальственныя взысканія, начиная отъ “окрика” и “головомойки” и оканчивая непрacticуемыми нынѣ “изутиемъ сапога” и “выволочки”, — всѣ они, не смотря на безконечную разницу оттѣнковъ и нюансовъ, опытными людьми прямо зачисляются къ соответственной категории, и что составляетъ не болѣе какъ “вздрючку”, то уже не занесутъ къ “взъефантулкѣ” или “пришпандоркѣ”. Это нигдѣ не описано закономъ, но преданіемъ блюдется до такой степени чинно и безспорно, что когда съ упраздненіемъ “выволочки” и “изутиа”, вошелъ въ обычай болѣе сообразный съ мягкостью вѣка “выгонъ на ять — голубей гонять”, то чины не обманулись и это мѣропріятіе ими прямо было отнесено къ самой тяжкой категории, т. е. къ “взъефантулкѣ”. Владыка, однако, не могъ же имѣть такого вліянія, чтобы “сверзнуть” генерала, или сдѣлать ему другую какую-нибудь неприятность, а онъ просто его не болѣе, какъ “вздрючить”, но, конечно, въ лучшемъ видѣ [Лѣсковъ 1880: 261].

У В. В. Виноградова в разныхъ статьяхъ в цитате из “Мелочей архиерейской жизни” читаем то *настоящее истинно русское сердце*, то *настоящее широкое русское сердце*, причём первый вариант (с кавычками: *настоящее “истинно русское сердце”*) находим лишь в сожжённом шестомъ томе последнего прижизненного собрания сочинений Н. С. Лескова (1889)², перепечатанномъ в советскомъ изданіи [Лесков 1957, 6: 520], а второй — и в процитированномъ выше первомъ изданіи очерка, и в посмертномъ собраніи сочинений [Лѣсковъ 1903: 124].

Некоторые изъ приведенныхъ в “Мелочахъ” жаргонизмовъ упоминаются ранее в романе того же Лескова “Некуда” (кн. 1, гл. 29) в связи с училищемъ детей канцелярскихъ служителей:

² См. об этомъ примечание С. А. Рейсера [Лесков 1957, 6: 662].

<...> когда его семилѣтнимъ мальчикомъ привели въ суровое училище, онъ приобрѣлъ странную манеру часто пожиматься и моргать глазами. Первая изъ этихъ привычекъ была усвоена ребенкомъ, вслѣдствіе неловкости, ощенной имъ въ новой курткѣ изъ толстаго сукна, съ натирающимъ до красна воротникомъ, а вторая получена отъ непрерывнаго опасенія ежеминутныхъ колотушекъ, затрепанинъ, взвошекъ, взьефантуливанья и пришпандориванья [Лѣсковъ 1867: 240].

При этом встают вопросы: не заимствовали ли дети канцелярских служителей слова *взьефантуливанье*, *пришпандориванье* от своих родителей — мелких чиновников? или же, наоборот, родители от своих детей-учеников? или, наконец, сами вынесли их из училища? Утвердительным может быть ответ на последний и предпоследний вопрос.

Однако встречаемость слов *взьефантулитъ* и *взьефантулка* в чиновничьей среде слишком впечатляла позднейших читателей, и писатель начала ХХІ в. в романе на историческую тему без особых раздумий относит эти слова к чиновничьему жаргону, не обращая внимания на происхождение чиновничьего контингента, при этом использован соответствующий пассаж из “Мелочей архиерейской жизни”:

<...> Я должен был препровождать графа в суд и все думал: а ну как он меня взьефантулит?

— Что-что сделает? — спросил я с ужасом.

— Взьефантулит. — Сергей Владимирович рассмеялся. — Это, милейший Николай Афанасьевич, из чиновничьего жаргона, вам, пожалуй, и неизвестного. Человека можно вздрючить, можно пришпандорить, можно устроить ему выволочку, или, скажем, выгнать на ять — голубей гонять, а то и сверзнуть. А можно — взьефантулить, то есть устроить такую головомойку, что слабого человека того гляди обнесет. Однако же граф никакой взьефантулки не учинил, мы с ним счастливейшим образом поладили и некоторое время весьма учински беседовали.

<...> — Эх, — бормотал я себе под нос, чуть не плача, — вот уж, право, взьефантулил меня его высокоблагородие так уж взьефантулил... — не замечая даже, что произношу смешное словечко, узнанное мною от судебного пристава Сергея Ивлева [Данилин 2007: 47–48, 294].

Если В. В. Виноградов и “В. Данилин” (В. Бабенко и Д. Клугер) не отделяют глагол *взьефантулитъ* и существительное *взьефантулка* от “жаргона мелкого чиновничества”, поскольку они вместе фигурируют в чиновничьих “сметках на свойском жаргоне” в канцелярии московского³ полицейского генерала, то существует и другая версия — их отнесённости к жаргону духовного ведомства, высказанная младшим современником Н. С. Лескова — известным историком и публицистом конца ХІХ в. Г. А. Джаншиевым (1851–1900), сделанная им на основании

³ В. В. Виноградов неточно называет её “канцелярией губернскаго полицмейстера” [Виноградов 1994: 363–364].

того же материала той же самой главы “Мелочей архиерейской жизни”. Рассматривая довольно обширный список слов русского языка, связанных с телесными наказаниями, он явно указывает: “В духовном ведомстве, кроме общеупотребительных боевых терминов, есть еще свои специальные: благословить, вздрючить, пришпандорить и взъефантулить. <...> В бурсе встречались еще выражения: взбутетенить, взъерепенить, застребушить” [Джаншиев 2008: 282].

Взгляд В. В. Виноградова (1895–1969), весьма удалённого хронологически от времени Н. С. Лескова, возник при опоре на место функционирования интересующей исследователя лексики (к а н ц е л я р и я), а соображения младшего современника писателя базировались на человеческом факторе и учитывали контингент носителей жаргона — выходцев из духовного сословия, бывших семинаристов. Однако и более правдоподобное мнение Г. А. Джаншиева нуждается в поправке: упомянутые им глаголы *вздрючить*, *пришпандорить* и *взъефантулить* взяты им вовсе не из практики духовного ведомства, а фактически из приведённого нами текста Н. С. Лескова. Описанные в нём полицейские чиновники, равно как и чиновники духовного ведомства прошли одну и ту же школу — семинарию, именно оттуда ими были вынесены указанные Г. А. Джаншиевым “боевые термины”, но в собственно чиновничьем жаргоне они, конечно, не употреблялись. Глагол *благословить* тоже взят из “Мелочей архиерейской жизни”, но из другой главы, где он употреблён дьячком Лукьяном в рассказе о том, как его наказал орловский архиерей Смарагд (Крижановский), ср.: “так костылем отвозил, что и сейчас загорбок больно” — и ниже: “костылем поблагословлял” [Лесков 1957, 6: 417]. Это, конечно, не особый термин, а лишь эвфемизм вместо *наказать*, *побить*.

Все семь приведённых Г. А. Джаншиевым глаголов являются на самом деле бурсацкими, что частично подтверждается наличием некоторых из них в литературных источниках, например:

- Взбутетень его!
- Взъерепень его!
- Чтобь насквозь прошло!

Трехпудовый ударь упаль на спину Тавли [Помяловский 1902: 325].

Внимательное прочтение пассажа “Мелочей архиерейской жизни” о жаргоне чиновников из канцелярии московского полицейского генерала позволяет понять происхождение этого их “свойского жаргона”. Ключ к этому — беглая характеристика “этих форменных людей, в которых, несмотря на всю строгость их служебного уряда, всё-таки билось своим боем настоящее широкое русское сердце” (или “настоящее «истинно

русское сердце»), если соединить с ней пассаж о “чистокровной русской породе”, которая в романе “Соборяне” (1872) стала объектом обсуждения во время разговора о реформах в духовенстве, отменявших принцип наследственности при замещении церковных должностей:

При входе новых гостей предводитель Плодомасов рассказывал Туберозову о современных реформах в духовенстве и возобновил этот разговор, когда Термососов и Варнава уселись.

Уездный предводитель был поборник реформы, Туганов тоже, но последний вставил, что когда он вчера виделся с архиереем, то его преосвященство высказывался очень осторожно и, между прочим, шутил, что прекращением наследственности в духовенстве переведется у нас самая чистокровная русская порода.

— Это что же значит-с?— любопытствовал Захария.

Туганов ему объяснил, что намек этот на чистоту несмешанной русской породы в духовенстве касается неупотребительности в этом сословии смешанных браков. Захария не понял, и Туганов должен был ему помочь.

— Просто дело в том, — сказал он, — что духовные все женились на духовных же...

— На духовных-с, на духовных.

— А духовные все русские.

— Русские.

— Ну, и течет, значит, в духовенстве кровь чистая русская, меж тем как все другие перемешались с инородцами: с поляками, с татарами, с немцами, со шведами и... даже с жидами [Лесков 1957, 4: 186].

Следовательно, чиновники с “истинно русским сердцем” из канцелярии московского полицейского генерала получали образование в духовных учебных заведениях, откуда эти чиновники вынесли “свойский жаргон” и сочувствие “своему брату” в прошлом — митрополиту Филарету (Дроздову).

Вопрос о принадлежности этого жаргона проясняется ещё больше, если обратиться к автобиографической повести А. К. Воронского (1884–1937) “Бурса” (1933), где фигурирует именно бурсацкая лексика и фразеология, причём глагол *взьефантулить* объединяет список А. К. Воронского со списком Н. С. Лескова:

За столами слышен бурсацкий жаргон: отшил, очебурел, взьефантулил, взбутитенил, спасаюсь, получи с Лунца, казнеташ, оптяга, китяга, кирдюк. Много блатных слов: карась, бока рыжие, малина [Воронский 1933: 127–128].

Глагол *взьефантулить* и его производные оказались слишком трудными для лексикографов русских жаргонов, которые отказались от их включения как в общий русский жаргонный словарь — [Мокиенко, Никитина 2000], так и в специализированный [Анищенко 2007], хотя в последнем в числе источников использована повесть А. К. Воронского

“Бурса”, где фигурирует в числе других семинаризов и глагол *взъефантулить*⁴. Этот глагол может быть этимологизирован как раз с учётом среды своего бытования — семинарской, пусть наше объяснение и покажется довольно сложным.

Наличие в слове *взъефантулить* редкого для русского языка звука *ф* служит признаком заимствования его основы *-ефантул-* — но каково её происхождение? Как известно, излюбленным источником для создания слов бурсацкого жаргона были изучавшиеся в семинариях классические языки. Кроме того, важным источником был сам текст Священного Писания, изобилующий необычными для русского слуха словами. Так вот, в глаголе *взъефантулить* с некоторой долей уверенности может быть выделено в качестве корня восклицание *ἐφφαθά* (из араб. *плэфлф*), произнесённое в сцене исцеления глухого косноязычного Иисусом, Который “вложил персты Свои в уши ему и, плюнув, коснулся языка его; и, возрев на небо, вздохнул и сказал ему: «еффафа» [греч. *ἐφφαθά*, ср. лат. *eppheta*], то есть: отверзись” (Мк 7.33–34). Правда, в состав жаргонного *взъефантулить* это восклицание вошло в Эразмовом, латинизированном, чтении *ефата* и соединилось с латинским же уменьшительным суффиксом *-ул-*, что отражает весьма вольное обращение семинаристов с грамматикой классических языков.

Случаи, видимо, игрового смешения Рейхлинова и Эразмова чтений в семинарской среде имеются, хотя они и немногочисленны. Так, обратная замена квази-Эразмова чтения в германизме (или италянизме) *солдат* семинарским Рейхлиновым в экспрессивном образовании *солдафон* показывает некоторую продуктивность чередования *ф* / *т* в русском языке как своеобразного экспрессивно-стилистического явления [Добродомов 2010а: 94–95].

Между исходным словом *еф(ф)афа* (*ефата*) и конечным *взъефантуливань* имеется ряд промежуточных образований (отмечены астериском):

ефафа
 **ефата*
 **ефат-ул-а*
 **ефатул-и-ть*
 взъ-ефатулить
 взъефатул-к-а
 **взъефатули-ва-ть*
 взъефатулива-нье

⁴ Не попал в словарь и ряд других слов из этого источника. Та же участь постигла и большую часть обширного списка кадетских жаргонизмов в повести В. И. Даля “Мичман Поцелуев” (1841), что отмечено в рецензии [Шаповал 2007: 311] на этот словарь.

В каком-то звене этого словообразовательного ряда перед конечным согласным *-т* исходной основы появился паразитарный *-н-*, подобный такому же согласному в просторечных формах слов *прецедент*, *константировать*, *компроментировать*, *желантин* (ср. также *климант* в очерке Н. С. Лескова “Страна изгнания” [Лесков 1958, 10: 176]).

Из приведённого материала мы не очень много узнаём о более точном значении семинарских “боевых терминов” *взьефантулить*, *взьефантулка*, *взьефантуливание*, кроме указания Н. С. Лескова на то, что “взьефантулка” относилась “к самой тяжкой категории”, куда, по-видимому, относились и “упразднённые” *изутие сапога* и *выволочка*, вместо которых “вышел в обычай более сообразный с мягкостью века «выгон на ять — голубей гонять»», причём “это мероприятие <...> прямо было отнесено к самой тяжкой категории, т. е. к «взьефантулке»”. Учитывая тот библейский контекст, в котором появляется слово *эффафа*, можно предположить, что “взьефантулка” была как-то связана с заушением и оплеванием, последнее же могло быть и частью процедуры “изутия сапога”, поскольку и это выражение имеет библейские корни, на сей раз ветхозаветные:

“Если у умершего брата не осталось потомства, то его вдова должна была не выходить замуж на сторону, а выйти замуж за деверя и родить от него сына, и счроча, љже љце родитца, да погтвнчца ко йма оумёршагв, љ не погнбнетч йма љгв љ йла (Втор 25.6). Если же деверь откажется, несмотря на уговоры старейшин, войти к вдове брата, то она может снять с его ноги сапог и плюнуть ему в лицо; љ прозвётца йма љгв ко йли дбмч љзљгвч љз сапога (Втор 25.10). Вероятно, это было весьма позорное имя. <...> [в сноске к этому месту — И. Д.:] Между прочим, это выражение — *изутие сапога* — бытовало в среде русского чиновничества, вышедшего из семинарской среды, в качестве названия одного из самых страшных начальственных взысканий, о чем в “Мелочах архиерейской жизни” рассказывает Н. С. Лесков <...> Трудно сказать, в каких действиях состояло это взыскание, но можно с большой вероятностью предполагать их суровый и даже уничижающий характер” [Камчатнов 1998: 128–129].

Кроме того, в написаниях *эффата* и *эффафа* интересующий нас источник глагола *взьефантулить* можно найти в русском переводе А. В. Ганзен (1924) романа “Дитте — дитя человеческое” датского писателя М. Андерсена-Нексё, где это слово выступает в качестве названия и составной части “псалма”:

...старуха Расмуссен не знает “Песенку пряжи” и петь совсем не умеет. Вот Борнхольмец, тот умеет. Теперь он опять запел свой любимый псалом: “Эффата! Восстань!”

<...> Борнхольмец все пел свое: “Эффата! Восстань!” Как знать, долго ли он выдержит? Но если, как говорит Карл, еще три тысячи лет тому назад судьи и пророки израильские громили тех, кто эксплуатировал ее и маленького Петера,

если тогда еще пытались всколыхнуть массы, то, значит, им ничего не удалось: люди глухи и немые по-прежнему! И безумный прав, вечно распевая “Эффата!”.

<...> Знаешь, почему мы все блуждали по пустыне и никак не могли найти выхода из нашей нищеты? Потому что уши наши не были открыты, глаза не видели. Но однажды господь бог коснулся ушей и глаз моих: Эффата! И я увидел ясно все: у нас и глаза и уши засыпаны землей!

<...> Он запел вдруг свой псалом:

“Эффата! Восстань и внемли!”
Зов услышали глухие,
Дрогнули уста немые,
Око зоркое не дремлет!
Люди слышат глас призыва,
Их уста не замолкают;
В светлом, радостном порыве
Имя бога прославляют”.

<примеч.: Перевод А. Кобецкой>

— Я был послан в мир немым, и глухим, и слепым. Но потом я сочинил этот псалом, и все узы мои распались.

— Неправда, — сказала из дверей старуха Расмуссен. — Я знаю этот псалом много лет. И теперь самое лучшее тебе отправиться восвояси, Анкер, а не сидеть тут и морочить голову больным людям своей болтовней.

Она указала ему на дверь. Анкер встал со стула.

— Да, я не сам его написал, — робко пробормотал он и стал пробираться к двери. — Потому что все мы немые. И были глухи и слепы. Но господь повелел другим говорить за нас, пока мы сами не обречем голос... Слышите? Словно само солнце взывает: “Эффата!” И он, скользнув за дверь, громко запел опять, — в коридоре он расхрабрился.

<...> Анкер просветленно взглянул на Мортена и запел своим красивым голосом отрывок из любимого псалма:

Прозвучит и в садах смерти
Зов господень: “Эффата!” —
И разверзнутся могилы
С криком радостным: “Хвала!”

<...> Затем раздались звуки новой песни:

“Эффата! Восстань! Проснись!”
Отзывалось это слово,
Будто гром, в душе слепого,
И глаза его зажглись.
И немой услышал тоже
Зов могучий: “Эффата!” —
И запели славу божью
Вдруг ожившие уста.
“Эффата! Восстань! Проснись!”
Сердце внемлет гласу бога,
И стихает в нем тревога,
И вокруг светлеет жизнь.
И звучит он, не смолкая,
И, над миром воспарив,

Я, счастливый, повторяю
 Этот пламенный призыв.
 “Эффата! Восстань! Проснись!”
 Звуки радости нездешней
 Прошумели рощей вешней,
 Вешним ливнем пролились.
 В небе солнце огневое
 К пробуждению зовет:
 Эффата! Пусть все живое
 И ликует, и цветет!
 “Эффата! Восстань! Проснись!”
 Словно звук трубы в день Судный,
 Льется, льется голос чудный,
 Растекаясь вширь и ввысь.
 Пусть грохочет, торжествуя,
 В долах смерти вещей зов,
 И раздастся “аллилуйя”
 Из разверзшихся гробов!

<примеч.: Перевод И. Миримского>

[АНДЕРСЕН-НЕКСЁ 1969: 602, 603, 604–605, 608, 612–613].

Примечательно, что в более позднем издании того же самого перевода фраза *Эффата! Восстань!* была заменена редакторами на *Эффафа! Прозрей!* [АНДЕРСЕН-НЕКСЁ 1984] — то есть она была приведена в соответствие, с одной стороны, орфографическое — Рейхлинову чтению (церковнославянской и русской традиции), с другой стороны, значению слова *эффафа*, поскольку оно означает именно ‘прозрей’, а не ‘восстань’ (последнее, возможно, казалось политически более “грамотным” в 1920-е гг., когда делался русский перевод).

Итак, предложенная нами довольно сложная этимология глагола *взъэфантулить* имеет оправдание в свете тех преобразований русских и латинских корней, а также их неожиданных комбинаций, которые нам известны из литературы о семинарских словах русского языка, впервые описанных Д. К. Зелениным [1905]. Бурсацко-семинарские слова получали подчас самое широкое распространение: “В числе проводников в народ различных пословичных и поговорочных изречений довольно видное место занимают духовные лица до семинаристов включительно (с которыми равную честь и славу делят также охотливые передатчики — солдаты” [Максимов 1955: 109].

Движение семинарских слов в другие социальные группы можно обнаружить в несколько противоречивом привязывании их к разным группам русского общества, как это случилось с отнесением глагола *взъэфантулить* и его производных к чиновничьему жаргону.

II. СМОРОЗИТЬ

Загадочный глагол совершенного вида *сморозить*, без соответствующей пары несовершенного, чаще употребляемый в составе фразеологизмов в сочетании со словами *вздор*, *чушь*, *глупость*, *нелепица* и т. п., привлекал внимание много потрудившегося над разработкой проблем русской исторической лексикологии академика В. В. Виноградова, который планировал создание капитальной исторической лексикологии, но не успел осуществить это намерение, оставив некоторое количество статей по этой проблематике и большое количество подготовительных материалов, вперемешку и не вполне точно опубликованных под редакцией Н. Ю. Шведовой в посмертно изданной книге “История слов”.

В архиве В. В. Виноградова сохранились черновые материалы к истории и этимологии глагола *сморозить*, которые были небрежно изданы как “заметка”, но в разделе “статьи” сборника законченных и подготовленных работ [Виноградов 1994: 642–643], где учёный весьма критически отнёсся к гипотезе об этимологической связи этого глагола с русским же корнем *мороз-* / *мьрз-* (“...непосредственно отсюда вывести его современное значение представлялось затруднительным. <...> Это слово лишь каламбурно может быть сопоставлено с *мороз*”) ⁵ и особенно решительно по отношению к гипотезе о семинарском происхождении глагола от греческого прилагательного *μωρός* ‘глупый’ (“Эта робкая и ни на чем не основанная этимологическая гипотеза наивно-доверчивым филологом принимается за достоверную истину”).

Применительно к семинарскому происхождению глагола *сморозить* В. В. Виноградов слишком большое значение придаёт его отсутствию в “Очерках бурсы” Н. Г. Помяловского и в небольшой статье Д. К. Зеленина о семинаризмах русского языка [Зеленинъ 1905], не учитывая того, что отсутствие здесь этого слова носит случайный характер и не может быть аргументом против его отнесения к семинарской лексике. Правда, следует помнить, что соображения В. В. Виноградова были высказаны в составе неоконченных подготовительных материалов по истории слова *сморозить*.

Критицизм В. В. Виноградова не учитывается современными лексикографами, которые по-прежнему тиражируют противоречивые соображения старых лексикологов, игнорируя тонкое замечание В. В. Виноградова о каламбурном характере связи *сморозить* — *морозить*, *мороз*:

⁵ В качестве образца такого каламбура В. В. Виноградов цитирует письмо Вл. Соловьёва к М. М. Стасюлевичу от 20 января 1895 г.: “Спешу, впрочем, заметить, что сегодня на термометре –26, а потому, упрекая Вас в гордости, я просто сморозил” (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. 5, с. 388).

“**СМОРОЗИТЬ**, -óжу, -óзишь; *сов., что* (прост.) Сказать (какой-н. вздор, глупость). *Сморозил какую-то чушь. К морозить*” [ШВЕДОВА 2007: 904]⁶.
Не меньшей популярностью пользуется греческая версия:

“**СМОРОЗИТЬ**, -рожу, -розишь; *сов. Семин.* Сказать глупость, солгать и морозить (в выражении: экую глупость, чушь **сморозил**). Семинарское выражение, явившееся под влиянием гр. $\mu\omicron\rho\acute{o}\varsigma$ глупый (Преображенский 1959: 2, 339)” [АНИЩЕНКО 2007: 252].

Встречается и совмещение обеих версий с предпочтением то одной, то другой из них. Так, М. Фасмер сопоставляет толкования глаголов *сморозить* ‘солгать, соврать, схвастать, сказать явную ложь’ и *морозить* ‘лгать, врать или хвастать’ у В. И. Даля [IV: 243; II: 355], считая соображения А. Г. Преображенского “абсолютно недостоверными” [ФАСМЕР III: 692]. Позднее в этимологической литературе стала наблюдаться тенденция в пользу семинарского происхождения глагола *сморозить*, ср. сначала:

“**Сморозить**. Собственно русское. Представляет собой суффиксально-префиксальное производное от *мороз*. Буквально — «заставлять замёрзнуть» (от сказанной глупости). Сближение этого слова с греч. $\mu\omicron\rho\acute{o}\varsigma$ — «глупый» является ошибочным” [ШАНСКИЙ, ИВАНОВ, ШАНСКАЯ 1961: 310],

— но затем:

“**Сморозить**. Искон. Считается суф.-преф. производным от *мороз*. В таком случае буквальное значение — «заставлять замёрзнуть» (от сказанной глупости). Объяснение слова как производного в аргументах семинаристов от греч. $\mu\omicron\rho\acute{o}\varsigma$ — «глупый» кажется вернее” [ШАНСКИЙ, БОБРОВА 1994: 296].

Неприемля ни одну из известных ему этимологических версий, выход из затруднительного положения В. В. Виноградов видел, по-видимому, в учёте употребления глагола *сморозить* в военной среде, но ограничился при этом только намёком [Виноградов 1994: 642]: “У А. Чужбинского в рассказе «Бурбон» слово *сморозить* выдаётся за армейский арготизм: «А, может быть, он женится, — заметила толстая дева. — Разве кто-нибудь женит, — отозвался Мокрецов и захохотал в качестве полкового остряка, при каждом слове которого товарищи обыкновенно раздражались смехом, — думая, что непременно что-нибудь *сморозит*»” [Чужбинский 1863: 209].

Роль военных в распространении в русском языке отдельных слов и выражений отмечалась уже в XIX в. этнографами (см. приведённую в предыдущем очерке цитату из [Максимов 1955: 109]), но искать источ-

⁶ О недостатках этимологических справок этого словаря см. [Добродомов 2009].

ник глагола *сморозить* в военной среде, по-видимому, будет безуспешно, поскольку в весьма обстоятельном справочнике по русскому армейскому аргю В. П. Коровушкина [2000] это слово не зафиксировано. Впрочем, и специальный словарь школьного аргю XIX в. [Анищенко 2007: 252] не может дать надёжного материала об употреблении глагола *сморозить* в семинарской среде.

Нельзя ничего положительного извлечь и из самого раннего известного употребления этого слова в художественной литературе — у Н. А. Некрасова в реплике заглавного персонажа водевиля “Петербургский ростовщик” (1844):

Л о с к у т к о в. Разбойник! Мефистофель! Откуда она таких слов набралась? Дура сморозила, а ты повторяешь: разбойник! [НЕКРАСОВ 1983: 153].

Во второй половине XIX в. появление глагола *сморозить* в русской литературе учащается, что со ссылкой на источник 1857 г. отмечает М. И. Михельсон [I: 776]:

“Одинъ хорошо сморозить, другой лучше того, а какъ князь начнетъ, такъ всѣхъ за поясъ заткнетъ... Иначе и быть нельзя; испоконъ вѣку заведено, что самый правѣдный человѣкъ на охотѣ что ни скажетъ, то совретъ” (П. И. Мельников-Печерский. Старые годы).

Это одно из двух самых ранних употреблений глагола *сморозить* и в Национальном корпусе русского языка наряду с таким: “Какую невидаль изволили сморозить, Василий Евдокимович!” (Е. Э. Дрианский, “Записки мелкотравчатого”, 1857), — эти слова вложены в уста повара-краснобая Никиты, а само произведение также повествует об охотниках. Но делать вывод об охотничьем происхождении глагола не приходится.

Во второй половине XIX в. особенно полюбился он Ф. М. Достоевскому, ср. примеры из Корпуса:

“— Вестимо, птица вольная, суровая, не приучишь к острогу-то, — поддакивали другие. — Знать, он не так, как мы, — прибавил кто-то. — Вишь, сморозил: то птица, а мы, значит, человеки” (“Записки из мёртвого дома”, 1862);

“— Не совсем здоров! — подхватил Разумихин. — Эвона сморозил! До вчерашнего дня чуть не без памяти бредил...”; “— Не знаю... я еще не решил — возьму или не возьму эти деньги, — промолвил он, опять как бы в раздумье, и вдруг, опомнившись, быстро и коротко усмехнулся. — Эх, какую я глупость сейчас сморозил, а?” (“Преступление и наказание”, 1866);

“— Знаете, — подхватил он вдруг, — я, может, и сморозил про «лакейство мысли»”; “Вижу, вижу, что я опять, кажется, сморозил” (“Бесы”, 1871–1872);

“— Да неужто ты в самом деле что-нибудь хотел сморозить?” (“Подросток”, 1875);

“Но, высказав свою глупость, он почувствовал, что сморозил нелепый вздор, и вдруг захотелось ему тотчас же доказать слушателям, а пуще всего себе самому, что сказал он вовсе не вздор”; — Слушай, голубчик: что ты такое сморозил, когда я уходил от тебя из больницы, что если я промолчу о том, что ты мастер представляться в падучей, то и ты не объявишь всего следователю о нашем разговоре с тобой у ворот?” (“Братья Карамазовы”, 1880).

В середине XIX в. этот глагол воспринимался как слово провинциальное, а потому он попал в первый опыт русского диалектного словаря с территориальной приуроченностью к Тверской, Курской и Костромской губерниям:

“**СМОРОЗИТЬ**. гл. д. Сов. Солгать, соврать. Костр. *Кинеш.* Кур. Твер. *Каляз. Новотор.*” [Опыт 1852: 208].

В связи с явно недостаточными рассеянными данными “Опыта областного великорусского словаря” о территориальном распространении по России слова *сморозить* В. В. Виноградов высказывает вполне оправданные сетования по этому поводу: “Никакими другими данными, которые связывали бы глагол *сморозить* с каким-нибудь определенным диалектом или жаргоном, мы пока не располагаем” [Виноградов 1994: 643]. В настоящее время сводно-академический “Словарь русских народных говоров” частично исправляет это положение дел, к территориальным пометам “Опыта...” добавляя пометы “волог<одское>”, “влад<имирское>”, “пск<овское>”, “калуж<ское>”, “перм<ское>”, “амур<ское>”, но только применительно к старому значению ‘сказать неправду, солгать’, а кроме того — помету “арх<ангельское>” применительно к значению ‘сделать что-л<ибо> некачественно, кое-как’ [СРНГ, 39: 46]. Однако надо учесть, что устаревшее значение глагола *сморозить* подано здесь синхронизированно (т. е. хронологически смазанно и запутанно) и в неоправданном отрыве от нынешнего просторечного значения. Это обстоятельство делает поданный в статье “2. Сморо́зить” диалектный материал почти бесполезным для историко-этимологических разысканий.

Впрочем, уже В. И. Даль отказался от приведения территориальных помет, по-видимому, считая это слово общерусским производным в переносном значении в связи с *мороз*, *морозить*, но обнаружил при этом некоторые колебания. В конце сравнительно небольшого гнезда “Смерза́ть, сме́рзнуть(ся)” В. И. Даль поместил слова *смора́живать*, *сморо́зить* — “за(при)морозить, дать смерзнуться, выставивь мокрая вещи на морозъ, дать имъ замерзнуть въ одну глыбу. *Безъ соли, мороженаго не сморозишь* || *Соврать, солгать, схватать, распустить вздорную вѣсть. *Экую ты сморозиль!*” [Даль IV: 238]. В другом словарном гнезде — “Моро́зъ” —

приводится даже речение с глаголом *морóзить* в своеобразном значении, объясняющем загадочное *сморозить*: “*Полно тебе морóзить, лгать, врать или хвастать. <...> Экую сморóзилъ совралъ” [Даль II: 355]. Однако некоторая доля сомнения в правильности словообразовательной связи странного глагола *сморозить* с существительным *мороз* заставила лексикографа поместить этот глагол в качестве самостоятельной словарной статьи: “**Сморóзить** что, солгать, соврать, схвастать, сказать явную ложь. Экую сморозилъ!” [Даль IV: 243].

Вторичное сближение со словом *мороз* в составе каламбурной перифразы зафиксировал М. И. Михельсон:

“**Сморозить** (иноск.) глупо говорить, лгать, хвастать.

Ср. «Это такъ, съ морозу сорвалось».

Ср. Высказавъ свою глупость, онъ почувствовалъ, что *сморозилъ* нелѣпый вздоръ...

Достоевскій. Братья Карамазовы. 1, 2, 8» [Михельсонъ II: 281].

Не помогает объяснить происхождение глагола *сморозить* и обращение новгородского писателя С. В. Петрова к поговорочным выражениям В. И. Даля [II: 355] *Такое прозвание, что съ морозу не выговоришь* или *Это такъ, съ морозу совралось*⁷, — или к общим наивным физиологическим соображениям: “У очень озябшего человека мерзнут и губы, а посему речь его становится невнятной. Он невольно говорит невпопад, а иногда и не то, что хочет. Отсюда становятся понятными в выражении *сморозить* глупость и ложь: они возникают помимо воли говорящего” [Петров 1975: 145].

Наконец, версию о греческом происхождении глагола *сморозить* в весьма лаконичной форме впервые высказал Н. В. Горяев:

“**С-мороз-и-ть** глупость ср. съ гр. *μωρός* (глупый)” [Горяевъ 1896: 332].

Гимназический учитель А. Г. Преображенский нерешительно соединил соображения В. И. Даля и Н. В. Горяева, указав на семинарскую среду возникновения греческой версии:

“**сморóзить**, сморóжу, сморóзишь, регг. *сказать глупость, солгать* и морóзить (въ выр.: «Экую глупость, чушь сморозилъ»). — с - морозить; собств. *дать, заставить замерзнуть*; откуда указанное переносное значение, сказать трудно; м. б., это семинарское выражение, явившееся подъ влияниемъ гр. *μωρός* *глупый*; ср. ерунда, ерундить” [Преображенский II: 339].

Версия Н. В. Горяева — А. Г. Преображенского о семинарском происхождении глагола попала в толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова в

⁷ Сюда можно добавить ещё одну поговорку, не учтённую С. В. Петровым: “Какъ рóжены, такъ и заморóжены! говор<ять> о дуракахъ” [Даль I: 620].

сопровождении той же иллюстративной цитаты из Ф. М. Достоевского, на которую обратил внимание М. И. Михельсон:

“**СМОРО́ЗИТЬ**, бжу, бзишь, *сов.*, *что* [из семинарск. аргот от греч. mōros — глупый] (разг. фам.). Сказать какой-н. вздор, глупость. *Он почувствовал, что сморозил нелепый вздор. Достоевский*” [Ушаков IV: 307].

Так называемый “Малый академический словарь” также не фиксирует значения ‘солгать’: “**СМОРО́ЗИТЬ**, - р б ж у, - р б з и ш ь; *сов.*, *перех.* *Прост.* Сказать что-л. глупое, нелепое, вздорное. *Опришко понял, что он сморозил вопиющую глупость и замолчал.* Макаренко. Педагогическая поэма” [МАС IV: 219] (то же и во втором издании), чему следует также и “Большой академический словарь” [БАС XIII: 1414].

Действительно, глагол *сморозить* базируется на тождестве звучания именительных падежей греческого μωρός ‘глупый’ и русского мороз. С первым он связан семантически, а со вторым — морфемно-фонематически. Контаминация русского и греческого слова могла произойти в среде школяров, которые были знакомы с греческим языком. Это могли быть как семинаристы (на что пронциательно указал А. Г. Преображенский), так и ученики классической гимназии, где также изучался греческий язык.

Таким образом, *сморозить* представляет собой каламбурную контаминацию из двух источников, каждый из которых обеспечивает лишь частичную этимологизацию загадочного глагола, не обеспечивая убедительной этимологии в целом, поэтому критика этих изолированных этимологий В. В. Виноградовым вполне оправданна.

Только соединение двух частичных этимологий обеспечивает целостную этимологию глагола *сморозить* как старого каламбура, который возник следующим образом: в глаголе *сглупить* семинаристы (или гимназисты) заменили русский корень *глуп-* греческим равнозначным словом μωρός. При этом конечный глухой согласный -с последнего был воспринят в соответствии с правилами русской фонологии как оглушённый в конце слова вариант звонкой фонемы <з>, которая в положении перед гласным приобрела свой основной вид з. Так в словообразовательной мотивации глагола *сморозить* появилась связь со словами *мороз*, *морозить*, а в семантике сохранилась связь с греческим словом.

Особо следует отметить наличие междометной звательной формы греческого μωρός в словарях (церковно)славянского языка XVI–XVII вв.: *морѣ* (“Лексис” Лаврентия Зизания, 1596), *море* (“Лексикон славеноросский” Памвы Берынды, 1627) с толкованием “юрое, дурню” [Фасмеръ 1909: 128–129], что является показателем того, что и древнерусской письменности греческое слово μωρός не было чуждо, но требовало специального объяснения.

Кроме того, глагол *сморозить* вписался в синонимический ряд таких же экспрессивных глаголов совершенного вида: *сказануть, брякнуть, бухнуть, вякнуть, звякнуть, ляпнуть, хрюкнуть* и т. п. [Химик 2004: 560, 568]; также ему имеется аналогия в виде столь же каламбурного существительного *потасовка*, которое в [Шведова 2007: 708], правда нерешительно, возводится то ли к картёжной терминологии, то ли к французскому языку: “К *тасовать*, возм., от франц. *tasser* ‘накладывать’”. На самом же деле имя действия *потасовка* является семинарским образованием от греческого глагола *πατάσσω* ‘бить, ударять, колотить’, сближенного с *тасовать*, о чём нам уже приходилось писать [Добродомов 1987].

III. Аксиос(ы)

Слово *аксиос*, известное по памятникам русской письменности с XVII в., отсутствует в русских исторических словарях, что было отмечено лексикологами, которые приняли меры для устранения этого недочёта, и была предложена словарная статья — предполагаемая обработка этого слова для исторической лексикографии:

АКСИОСЪ. От греч. *ἄξιος*. «Достоин» — слово, произносившееся старшим епископом и повторявшееся трижды хором при обряде поставления во все иерархические степени, начиная с дьякона. И въ царскихъ дверяхъ приняли его митрополить и епископъ и повели его около престола, по чину... тутъ патриархъ говорилъ молитву и омофоръ положилъ и возгласилъ: аксиось. Арс. Сух. Прокинитарий, 72. 1653 г. Святейший же патриархъ, вземъ жезль, отдалъ поддиакону, въ то время пѣли: аксиось, аксиось, аксиось. ДАИ VI, 238, 1672 г.” [Чернышева 1984: 203]⁸.

Слово *аксиос* отсутствует и в академическом историческом «Словаре русского языка XVIII века» [СлРЯ XVIII в.], хотя этот возглас, по данным Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru/>), фигурирует в “Цареградских письмах о древних и нынешних турках” П. А. Левашова (1789).

Зато в многочисленных “Словарях иностранных слов” (впрочем, далеко не во всех) и разного рода специальных словарях, а также в энциклопедиях XIX в. возглас *аксиос* находит разнообразное и в разной степени детализации отражение и даже попадает в академический “Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук”:

⁸ Однако в дополнения и исправления к СлРЯ XI–XVII в. [Чернышева 2006] слово *аксиос* не попало.

“**Аксіось**, церк. Достоинъ. Слово сіе возглашается при посвященіи, начиная от діакона, во всѣ іерархическія степени” [СЦСРЯ I: 5];

“**Аксіось**, гр. достойный (слово, употребляемое при посвященіи въ санъ духовный, которымъ рукополагающій объявляетъ, что посвящаемый достоинъ званія, въ которое возводится)” [Полный словарь 1861: 18];

“**Аксіось** (греч.), достоин, восклицаніе церк. клира и народа при посвященіи епископов, пресвитеров и діаконѣ” [Толль I: 54];

“**Аксіось** гр. Достоинъ” [Дубровский 1879: 25];

“**Аксіось**: 1) достоинъ (греч.) — восклицаніе клира при посвященіи священнослужителей; 2) древнее назв. р. Вардара въ Македоніи” [Настольный энциклопедическій словарь I: 74];

“**Аксіось** (греч.), «достойный», восклицаніе церковнаго клира и народа, произносимое при посвященіи въ духовный санъ, которымъ рукополагающій объявляетъ, что посвящаемый достоинъ званія, въ которое возводится” [Алексѣевъ 1899: 35];

“**Аксіось**, достоинъ.

Ср. Достоинъ! государыня, достоинъ сего, достоинъ! Аксіось, замѣтилъ дяконъ. Лѣсковъ. Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ. 3,6.

Ср. Ἀξιόσ — достоинъ.

Возглашается въ церкви при посвященіи во всѣ іерархическія степени” [Михельсонъ I: 11];

“**аксіось** — гр. «достойный», слово, возглашаемое при посвященіи священнослужителей” [Головковъ 1914: 13].

Включалось это слово и в церковнославянские словари:

“**АѢЮСЪ**, Греч. толкуется: *достоинъ*” [Алексѣевъ I: 43];

“**Аксіосъ** — (греч. ἄξιος; от буд. врем. глагола ἄγω, ἄξω; слѣд. ἄξιος — да введенъ будетъ въ удостоиваемую должность; ἄξιος, ἄξιος, ἄξιος — совершенно достоинъ возлагаемой должности). Слово *аксіось* (достойный) произносится священнодѣйствующими и клиросами обоихъ ликовъ во время посвященія епископовъ, священниковъ и діаконѣ, — именно, послѣ совершительной молитвы таинства священства («Божественная благодать») при возложеніи омофора, саккоса, креста, панагіи, митры на архіерея, — священническихъ одеждъ и служебника — на священника; при врученіи рипиды и возложеніи ораря, поручей — на діакона. — *Аксіось* произносится архіереемъ и пѣвцами также и при возведеніи въ разные чины церковныя, именно: архидіакона или протодіакона, протопресвитера и протоіерея, игумена и архимандрита” [Дьяченко 1900: 868].

Наряду с формой мужского рода *аксіос* употреблялась и форма женского:

“**Аксіа** — (т. е. достойная) = слово это возглашается архіереемъ при производствѣ въ игуменьи” [ТАМ ЖЕ].

Отсутствие слова *аксиос* в современных академических и других толковых словарях⁹ до некоторой степени компенсируется этимологическими словарями:

“**áксиос** «достойн» — слово, которое поется при посвящении в сан священника; из греч. ἄξιος” [Фасмер I: 66].

В 2007 г. русская этимологическая лексикография обогатилась первыми выпусками двух этимологических словарей, в которых продолжена традиция рассмотрения этого слова. Между рецензентами этих словарей по поводу слова **áксио́с** (с колеблющимся ударением) возник своеобразный спор. Один из них посчитал это слово лишним в русском этимологическом словаре, повторяющем лаконичный материал М. Фасмера (со ссылкой на него: “**Áксио́с** interj. ‘worthy’. Interjected during the ordination, reflects gr.: ἄξιος id”) в краткой реплике:

“В словнике имеются и прямые излишества. «Междометие» *аксиос!* («достойн!») — возглас при рукоположении священнослужителя) не стало принадлежностью русского словаря, сохраняясь как момент ритуала, осуществляемого с использованием чужого языка. В этом отношении оно сильно отличается, например, от возгласов *аминь!* и *аллилуйя!*, ставших производящей базой для собственно русских слов *зааминить*, *аллилуйщина* и др.” [Журавлев 2010: 278].

Действительно, от возгласа *аксиос* в русском языке нет производных, но это слово исторически испытало ряд изменений как в своём фонетическом облике, так и в значении и употреблении, что, по мнению второго рецензента, достойно рассмотрения и учёта дополнительных материалов к сведениям другого словаря:

“**áксиос** ‘достойн’ — слово, кот<орое> поется при посвящении в сан священника (Фасмер I:65) // Из греч. ἄξιος ‘стоящий, достойный’ (там же). Из того же источника выводят рус. арготизм *аксио́сы*, *косо́сы* ‘волосы’ (при посвящении в сан волосы посвящаемого подстригают), а также (?) *косо́й* ‘поп’ и т. п.” [Аникин 2007: 133]¹⁰.

Другой рецензент, автор этих строк, высказал в связи с этим пожелания [Добrodomov 2010б: 272] расширить сведения об этом интересном слове. Так, при слове *áксиос* ‘достойн’ с ударным начальным слогом, которое поётся в церкви при посвящении в сан, следовало бы добавить форму *аксио́с* с конечным ударением во внецерковном употреблении, например, у А. К. Толстого в шуточном стихотворении “Угоразило кофейник...”:

⁹ Поэтому оно не попало в большой “Словарь истории русских слов” [СИРС].

¹⁰ Со ссылкой на однотипные работы В. Д. Бондалетова [1972: 23; 1980: 73].

А кофейнику потѣха:
Руки въ боки, кверху носъ,
Надсѣдается отъ смѣха:
“— Исполати! Аксиосъ!
Веселися, храбрый Россъ!”

[Толстой 1916: 166]

Возникло это ударение от троекратного возгласия: “Аксиос! Аксиос! Аксио-ос!”, с продлением последнего слога в третьем возгласе, которое воспринималось как ударение. С этим восклицанием связано *аксиосы* ‘волосы’, зафиксированное в 1816 г. в Галиче Ф. Н. Глинкой в списке офенских слов, но, не подтверждённое дальнейшими записями офенского языка в Галиче, оно может подозреваться как слово семинарского происхождения, о чём говорит его употребление в речи духовного лица в романе Н. С. Лескова “Соборяне” (1872):

Да я за безбожие кого вам угодно возделаю. Это-с, батюшка, закон, а не что-нибудь. Да-с, это очень просто кончается: замотал покрепче руку ему в аксиосы, потряс хорошенько, да и выпустил, и ступай, мол, жалуйся, что бит духовным лицом за безбожие... [Лесков 1957, 4: 19–20]¹¹.

Действительно, слово *аксиос* употреблялось в жаргоне семинаристов XIX в. как название волос; в этом значении оно отмечено в специализированном словаре:

“**АКСИОСЫ** <...> *Семин. Шутл.-ирон.* Волосы. В молодости я учился в семинарии, и нас тогда сильно там истязали... ежели мало-мальски в уроке не тверд, профессор подкликнет тебя к себе: «Дай-ка, — говорит, твои **аксиосы**» — и таскает, таскает тебя за волосы... (А. Писемский. Просвещенное время)” [Анищенко 2007: 38].

С ударением на последнем слоге основы *акси́осы* ‘волосы’ (Галич) слово фигурирует в “Словаре офенского языка”, приписываемом В. И. Далу, а также в связанном с этим словарем “Русско-офенском словаре”: ‘волос’ *сиво́съ* (владимирск.), *акси́осъ* (Галич), ‘волосы’ *ксі́осы* (владимирск.) [Бондалетов 2004: 240, 321, 358].

Как видим, в вариантах слова *аксиос* исчезает начальное безударное *a-*, реализуя неординарный фонетический процесс отпадения начальных безударных гласных *a-*, *o-* [Чичагов 1952].

С обозначением ударения на конечном слоге основы варианты слова *аксиос(ы)* отмечены также у пензенских шерстобитов (*ксиос* ‘волосы’),

¹¹ См. также комментарий И. З. Сермана: “«Аксиос» (греч. — достоин!) провозгласилось при пострижении в духовный сан. Отсюда и волосы в быту духовенства получили название — аксиосы” [Лесков 1957, 4: 526]. Ср. вариант этой фразы дьякона Ахиллы в неоконченном романе “Божедомы” [Лесков 2000: 59].

у торговцев Кашина (*кси́бы* ‘волосы’, также *скуволосы*), у некоторых мещовских портных (*скиёсы* ‘волосы’) [ПРИЁМЫШЕВА I: 287; II: 440, 110, 596, 138, 622, 232].

После отпадения гласного *a-* в начале слова оказалась чуждая исконным словам инициаль *кс-*, которая или испытывала перестановку (отсюда у мещовских портных *скиесы* ‘волосы’) или теряла один из согласных в сочетании *кс-* (отсюда ‘волос’ *сивосъ* у владимирских офеней, отмеченное в офенских словарях из материалов В. И. Даля [Бондалетов 2004: 321, 358]). У тех же владимирских офеней отмечена и форма *киесы* (т. е. *киёсы*) ‘волосы’ [ПРИЁМЫШЕВА II: 57, 516]¹².

Такое многообразие форм¹³, получившихся из исходной *аксиосы* ‘волосы’, затрудняло лексикографов, что хорошо видно из невнятного вопроса в “Словаре офенского языка” В. И. Даля: “Кюсы, ксі(?)осы – волосы” [Бондалетов 2004: 273] (вопрос, по-видимому, принадлежит издателю словаря В. Д. Бондалетову).

Оба эти значения суммированы в неоконченном академическом толковом словаре, который показал и внецерковное употребление слова, однако начальное ударение в семинарском жаргонизме выглядит сомнительным:

А́ксиос (Греч. ἄξιος) Церк. Возглас при посвящении во все иерархические степени, начиная от дьякона, в переводе: достоин. — В распространительном употреблении. *Достоин, государыня, достоин сего, достоин!* — *Аксиос, — заметил дьякон. — Да-с, аксиос.* Леск. Старые годы в селе Плодомасове. *Видишь по бумагам, что коллежскому секретарю время на титулярные приспело, — ну и пишешь: «аксиос».* Салт. Сат. в прозе. III || *Аксиосы* [sic! — И. Д.], мн. — о волосах (шуточно, в семинарск. яз. доревол.). *Замотал покрепече руку в его аксиосы, потряс хорошенько, да и выпустил, ступай, мол, пожалуйся, что бит духовным лицом.* Леск. Соборяне, ч. I, гл. 3” [СЛОВАРЬ 1933: 306].

В дальнейшем академическая лексикография ускользнула от фиксации этого интересного слова, что свидетельствует о её постепенном сползании к сомнительному нормализаторству, которое предпочитает говорить об общеизвестном. Впрочем, не обходят его вниманием современные специальные словари, но с разной глубиной лексикографической разработки — от скупой словарной отписки, учитывающей лишь исходное значение, причём без единого иллюстративного примера и с ошибкой в написании греческого прототипа:

¹² Со ссылкой на [Гольшевь 1873].

¹³ Ещё одна, как будто бы диалектно окрашенная, форма слова *аксиос* с совершенно неясным значением отмечена в повести всё того же Н. С. Лескова “с малороссийским и сумасшедшим колоритом” “Заячий ремиз” (1894), где оно дано в кавычках и в написании *оксиос* — как название одной из вещей, “которых и знать не стоит” [Лесков 1958, 9: 582].

“**А́ксиос**, *нескл.* [греч. ἄξιος [sic — И. Д.] ‘Достоин!']. Возглас, произносимый **архиереем** при **рукоположении дьякона, священника** или **епископа** и неоднократно повторяемый хором (означает согласие с достоинством рукоположенного)” [Скляревская 2008: 22],

— до детальной статьи с шестью иллюстративными примерами на целых три значения (третье, переносное, — т. н. “светское”, выходящее за пределы постулируемой авторами собственно религиозной лексики, ср. [Добрушина 2012: 105–109]; после тройной косой черты авторы помещают т. н. энциклопедическую часть значения):

“**А́КСИОС** Церк. (Греч. «ценный, достойный»).

1. Возглас. Церк. Литургическая **аккламация**, означающая «достоин» (достойн служения или награды). /// Используется в **хиротониях** и **хиротесиях**, при возведении в определенные чины, при **интронизации Патриархов** и при вручении **архиереем** церковных наград **священнослужителям**. **Пр.:** *Один из священников, исходя на малый вход, имеет на подносе палицу, камилавку, скуфью или наперсный крест, то есть то, чем награждается, и подает архиерею, а архиерей, надев на него соответствующую одежду, произносит: «Аксиос»* (Диомидов С. Указатель порядка архиерейских служений (1915); НКРЯ); *На каждый возглас Архиерея: «Аксиос», это же слово троекратно поет духовенство, а затем, в той же тональности — хор (Константин (Островский), иеродиак. Последование архиерейских богослужений (2002)).*

2. Мн. Церк.-жарг., устар. В церковном жаргоне XIX в. — волосы; /// метонимический перенос, первоначально распространившийся в семинарской среде потому, что **хиротесия** семинаристов в чтецы включала момент пострижения волос. **Пр.:** <...> [опущен процитированный выше пример из А. Ф. Писемского. — И. Д.] *Заснули все, и живем спустя рукава... Вся беда в попах молчащих! Надо гайдуков нанять и всех их пооттаскать за аксиосы* (Феофан Затворник, свт. Собрание писем (1879)); <...> [опущен процитированный выше пример из “Божедомов” Н. С. Лескова — И. Д.]

3. Возглас. Лит<ературное>, перен., ирон., устар. В литературе XIX в. — шуточное восклицание, выражающее восхищение, похвалу <...> [далее следует процитированный выше пример из А. К. Толстого. — И. Д.]} [Добрушина и др. 2011: 137].

Последнюю словарную статью можно признать самой подробной и точной из всех, посвящённых слову *аксиос* / *аксиосы*, разве что во втором значении следовало бы указать иное место ударения по сравнению с заголовочной формой — *аксио́сы*.

В связи с употреблением слова *аксиос* в произведениях русской литературы XIX в. отсутствие его в академическом двухтомном “Сводном словаре современной русской лексики” [Сводный словарь 1991] нельзя считать оправданным, тем более что слово встречается и за пределами литературного языка.

Пути проникновения слова *аксиосы* ‘волосы’ в общерусское употребление активно обсуждались в конце XIX в. в популярной до сих пор

этнографической литературе:

“...прямо с церковных клиросов и в <...> извращенном толковании, как на-смешка, прокрались в народную толпу слова греческие. Так, длинные волосы у духовных лиц стали называться «аксиосами» с повода пострижения их при посвящении в священный сан и произнесения и пения слова «удостоен» не-сколько раз” [Максимов 1955: 110].

Позднее высказывались и другие предположения:

“АКСИО́СЫ (Гл., Д1), косиёсы (пен.) — волосы; возможно, сюда же следует отнести *косей* — поп, священник (арз., Дбб, пуч., ТЗ), *косиха* — попадья (НЯ, сад.); греч. *ἄξιος* — «достойн!» — слово, которое поется при посвящении в сан священника; при этом акте посвящаемому подстригают волосы. Надо думать, что в условные аргослово попало не прямо из греческого языка, а через посредство жаргона духовенства (семинаристов)” [Бондалетов 1990: 9]¹⁴.

В этих суждениях вызывает сомнения привлечение сюда названий лиц *косей* ‘поп, священник’, *косиха* ‘попадья’; в этой связи сомневается и А. Е. Аникин [2007: 133].

Следует заметить, что слово *аксиосы* → *ксиосы* не всегда фиксировалось точно. Сюда же относится также графически искаженное слово *клёсы* ‘волосы’ из жаргона мосальских портных, зафиксированное в статье В. Н. Добровольского [1916]. За таким написанием скрывается полевая запись этого слова *ксиёсы* (в старом дореволюционном написании с буквой *i* перед *ē*), которая была прочитана с контаминацией букв *ci* как *л*, и это ошибочное прочтение было воспроизведено в печатном тексте. На фоне всего зафиксированного материала ошибочность прочтения слова (*а*)*ксиосы*/ (*а*)*ксиёсы* как *клёсы* вполне очевидна.

Приведённый в настоящей заметке словарный материал оставляет необъясненной причину появления у восклицания *аксиос* неожиданного значения ‘волосы’, что подтверждает несколько парадоксальный вывод В. В. Виноградова, сделанный применительно к интересовавшему его слову *антик*: “На этом материале легко видеть, что восстановление полной семантической истории слова даже в пределах XVIII–XIX вв. только по данным толковых словарей почти невозможно” [Виноградов 1994: 41]. Совпадение по времени жеста рукоположения на голову посвящаемого и одновременно звучащего возгласа *аксиос!* обусловило понимание жеста как указание на волосы головы, а возгласа *аксиос!* как их название. Это каламбурное название ситуации стало терять свою каламбурность, благодаря чему и возник арготизм *аксиос* ‘волосы’. Впрочем, ещё О. А. Анищенко включила в свой словарь [2007: 38] этимологические соображения костромского фольклориста и диалек-

¹⁴ Со ссылкой [Бондалетов 1990: 56] на [Виноградов 1915: 215].

толога начала XX в., частично проливающие свет на появление неожиданного значения 'волосы', — из материалов галичского варианта офенского языка:

“**Аксиосы** <...> волосы — при посвященіи долговолосыхъ (духовенство) возглашаютъ «*аксиосъ!*» при этомъ полага на голову книгу, архіерей читаетъ молитвы и постригаетъ волосы” [Виноградовъ 1915: 215].

По-бурсацки кощунственное отношение к церковному торжественному возгласу *аксиос!* проявилось в эволюции его значения от абстрактного значения возгласа 'достоин' до весьма конкретного 'волосы', что доказывает роль семинарской среды в развитии семантики этого слова.

Напоследок можно отметить, что жест рукоположения как указание именно на голову (а значит, и волосы) более ярко при толковании относящихся сюда глаголов обнаруживается в словаре В. И. Даля:

“**Рукополагать, рукоположить** кого, поставлять въ священный чинъ, возложеньемъ рукъ архіерея на главу рукополагаемаго”. = «**Хиротонія**, <...> **-нисать**, посвящать, поставлять, рукополагать” [Даль IV: 114, 564].

Библиография

АЛЕКСѢЕВЪ I–V

АЛЕКСѢЕВЪ П. А., *Церковный словарь, или истолкованіе Славенскихъ, также маловразумительныхъ древнихъ и иноязычныхъ рѣченій, положенныхъ безъ перевода въ Священномъ Писаніи, и содержащихся въ другихъ церковныхъ и духовныхъ книгахъ...*, I–V, Изд. 4-е, вновь пересмотрѣнное, испр. и противу прежнихъ трехъ изданій весьма знатнымъ количествомъ словъ и рѣченій приумноженное, С.-Петербургъ, 1817–1819.

АЛЕКСѢЕВЪ 1899

Самый полный общедоступный словотолкователь и объяснитель 150 000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ съ подробнымъ, всестороннимъ изслѣдованіемъ о значеніи и понятіи каждаго слова... Вновь обработалъ и дополнилъ по новѣйшимъ источникамъ Н. С. Алексѣевъ, Изд. 5-е., [Москва.] 1899.

АНДЕРСЕН-НЕКСЕ 1969

АНДЕРСЕН-НЕКСЕ М. *Дитте — дитя человеческое*, Пер. с дат. А. Ганзен (= Библиотека всемирной литературы, Сер. III, Т. 169), Москва, 1969.

АНДЕРСЕН-НЕКСЕ 1984

АНДЕРСЕН-НЕКСЕ М. *Дитте — дитя человеческое*, Пер. с дат. А. Ганзен, Москва, 1984.

АНИКИН 2007

АНИКИН А. Е., *Русский этимологический словарь*, I, Москва, 2007.

АНИЩЕНКО 2007

АНИЩЕНКО О. А., *Словарь русского школьного жаргона XIX века*, Москва, 2007.

БАС I–XVII

Словарь современного русского литературного языка, I–XVII, Москва — Ленинград, 1950–1965.

БОНДАЛЕТОВ 1972

БОНДАЛЕТОВ В. Д., “Греческие элементы в условных языках русских торговцев и ремесленников”, в: *Этимологические исследования по русскому языку*, VII, Москва, 1972, 20–25.

Бондалетов 1980

Бондалетов В. Д., “Греческие заимствования в русском, украинском, белорусском и польском аргю (к проблеме генезиса и контактирования социальных диалектов славянских языков)”, в: *Этимология 1980*, Москва, 1982, 64–79.

Бондалетов 1990

Бондалетов В. Д., *Иноязычная лексика в русских аргю*, Куйбышев, 1990.

Бондалетов 2004

Бондалетов В. Д., В. И. Даль и тайные языки в России, 2-е изд., испр., Москва, 2004.

Мокиенко, Никитина 2000

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., *Большой словарь русского жаргона*, С.-Петербург, 2000.

Виноградов 1941

Виноградов В. В., “Лексикологические заметки. Вопрос об историческом словаре русского литературного языка XVIII–XX вв.”, *Ученые записки Московского государственного педагогического дефектологического института. Кафедра русского языка и литературы*, 1941, 1, 3–57.

Виноградов 1968

Виноградов В. В., “Об экспрессивных изменениях значений и форм слов”, *Советское славяноведение*, 1968, 4, 3–11.

Виноградов 1994

Виноградов В. В., *История слов*, Москва, 1994.

Виноградовъ 1915

Виноградовъ Н. Н., “Галивонские алеманы: Условный языкъ Галичанъ (Костромской губ.)”, в: *Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи наукъ*, XX/I, 1915, 209–260.

Воронский 1933

Воронский А. К., *Бурса*, Москва, 1933.

Головковъ 1914

Головковъ Д., *Иллюстрированный словарь иностранныхъ словъ съ указаніями удареній и съ 600 рисунками въ текстъ*, Одесса, 1914.

Гольшевъ 1873

Гольшевъ И. А., “Словарь искусственнаго офенскаго языка”, в: *Труды Владимирскаго губернскаго статистическаго комитета*, X, Приложение, Владимірь, 1873, 1–30.

Горяевъ 1896

Горяевъ Н. В., *Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка*, Тифлисъ, 1896.

Даль I–IV

Даль В. И., *Толковый словарь живаго великорусскаго языка*, 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора, I–IV, С.-Петербургъ, Москва, 1880–1882.

Джаншиев 2008

Джаншиев Г. А., *Эпоха великихъ перемен*, 1, Москва, 2008.

Данилин 2007

Данилин В. (В. Бабенко и Д. Клугер), *Четвертая жертва сирени*, Москва, 2007.

Добровольскій 1916

Добровольскій В. Н., “Нѣкоторые данные условнаго языка дорогобужскихъ мещанъ, каликъ переходящихъ, портныхъ и коноваловъ, странствующихъ по Смоленской землѣ: Данные условнаго языка портныхъ села Вязичья Мосальскаго уѣзда, записанные мною въ деревнѣ Корябинѣ Ельнинскаго уѣзда”, *Смоленская старина*, III/2, 1916, 1–13.

Добродомов 1987

Добродомов И. Г., “Потасовка”, *Русская речь*, 1987, 1, 133–136.

Добродомов 2009

Добродомов И. Г., *Проблемы этимологии в нормативной лексикографии*, Магадан, 2009.

ДОБРОДОМОВ 2010А

Добродомов И. Г., “Социология языка в историко-лексикологических и этимологических исследованиях”, в: *Этимология. 2006–2008*, Москва, 2010, 82–100.

ДОБРОДОМОВ 2010Б

Добродомов И. Г., [Рец.:] А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 1 (а — аюшка). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008, 368 с., в: *Этимология. 2006–2008*, Москва, 2010, 262–276.

ДОБРУШИНА 2012

Добрушина Е. Р., “Словарь христианской лексики: состав словника”, *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология*, 2012, 3 (29), 105–113.

ДОБРУШИНА И ДР. 2011

Добрушина Е. Р., свящ. Константин Польсков, Литвинцева К. М., Хангиреев И. А., “От «аббата» до «аналоя»: фрагмент «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики»”, *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология*, 2011, 3 (25), 119–146.

ДУБРОВСКИЙ 1879

Дубровский Н., Полный толковый словарь всѣхъ общеупотребительныхъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, съ указаніемъ корней, 4-е изд., Москва, 1879.

ДЬЯЧЕНКО 1900

Григорій Дьяченко, свящ., *Полный церковно-славянскій словарь (съ внесеніемъ въ него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выраженій), содержащій въ себѣ объясненія малопонятныхъ словъ и оборотовъ...* Москва, 1900.

ЖУРАВЛЕВ 2010

Журавлев А. Ф., [Рец.:] Vladimir Orel. Russian Etymological Dictionary. Book 1: А–Й; Book 2: К–О. Octavia & Co. Press, 2007. 816 pp., в: *Этимология 2006–2008*, Москва, 2010, 276–285.

ЗЕЛЕНИНЪ 1905

Зеленинъ Д. К., “Семинарскія слова въ русскомъ языкѣ”, *Русскій филологическій вѣстникъ*, Варшава, 1905, 3–4, 109–119.

КАМЧАТНОВ 1998

Камчатнов А. М., *История и герменевтика славянской Библии*, Москва, 1998.

КОРОВУШКИН 2000

Коровушкин В. П., *Словарь русского военного жаргона*, Екатеринбург, 2000.

ЛЕСКОВ 1957, 4

Лесков Н. С., *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, 4, Москва, 1957.

ЛЕСКОВ 1957, 6

Лесков Н. С., *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, 6, Москва, 1957.

ЛЕСКОВ 1958, 9

Лесков Н. С., *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, 9, Москва, 1958.

ЛЕСКОВ 1958, 10

Лесков Н. С., *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, 10, Москва, 1958.

ЛЕСКОВ 2000

Лесков Н. С., *Полное собрание сочинений*, 7, Москва, 2000.

ЛЪСКОВЪ 1867

Лѣсковъ Н. С. *Нѣкуда*, 1, С.-Петербургъ, 1867.

ЛЪСКОВЪ 1880

Лѣсковъ Н. С., “Изъ мелочей архіерейской жизни. I: Случай съ генераломъ у митрополита Филарета”, *Историческій вѣстникъ*, 1880, 6, 255–267.

ЛѢСКОВЪ 1903

Полное собрание сочинений Н. С. Лѣскова, 35, Изд. третье съ критико-биографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложениемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, С.-Петербургъ, 1903.

МАКСИМОВ 1955

МАКСИМОВ С. В., *Крылатые слова*, Москва, 1955.

МАС I–IV

ЕВГЕНЬЕВА А. П. (ред.), *Словарь русского языка*, I–IV, Москва – Ленинград, 1957–1961.

МИХЕЛЬСОНЪ I–II

МИХЕЛЬСОНЪ М. И., *Русская мысль и рѣчь. Свое и чужое. Опытъ русской фразеологии*, I–II [С.-Петербургъ, 1902–1903].

НАСТОЛЬНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ I–IV

Настольный энциклопедический словарь, Изданіе А. Гарбель и К^о, Москва, I–IV, 1891–1892.

НЕКРАСОВ 1983

НЕКРАСОВ Н. А., *Полное собрание сочинений и писем в 15-ти томах*, VI, Художественные произведения, Ленинград, 1983.

ОПЫТЪ 1852

Опытъ областного Великорусскаго словаря, изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Имп. Акад. Наукъ, С.-Петербургъ, 1852.

ПЕТРОВ 1975

ПЕТРОВ С. В., “Сморозить”, *Русская рѣчь*, 1975, 1, 144–145.

ПОЛНЫЙ СЛОВАРЬ 1861

Полный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, С.Петербургъ, 1861.

ПОМЯЛОВСКИЙ 1902

ПОМЯЛОВСКИЙ Н. Г. *Полное собрание сочинений*, С.-Петербургъ, 1902.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ I–III

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ А. Г., *Этимологический словарь русского языка*, I–III, Москва, 1910–1949.

ПРИЁМЫШЕВА I–II

ПРИЁМЫШЕВА М. Н., *Тайные и условные языки в России XIX века*, I–II, С.-Петербург, 2009.

СВОДНЫЙ СЛОВАРЬ 1991

Сводный словарь современной русской лексики, I–II, Под ред. Р. П. Рогожниковой, Москва, 1991.

СИРС

Словарь истории русских слов, I, гл. ред. Э. Ф. Володарская, М. Л. Ремнёва, Москва, 2009–.

СКЛЯРЕВСКАЯ 2008

СКЛЯРЕВСКАЯ Г. Н., *Словарь православной церковной культуры: более 2000 слов и словосочетаний*, 2-е изд., испр., Москва, 2008.

СЛОВАРЬ 1933

Словарь русского языка, I/ 2, Ленинград, 1933.

СЛРЯ XVIII в.

Словарь русского языка XVIII века, Ленинград – С.-Петербург, 1984–, Вып. 1–.

СРНГ

Словарь русских народных говоров, Ленинград – С.-Петербург, 1965–, Вып. 1–.

СЦСРЯ I–IV

Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Имп. Академіи наукъ, I–IV, С.-Петербургъ, 1847.

ТОЛЛЬ I–III:

ТОЛЛЬ Ф. Г., *Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія (справочный энциклопедический лексиконъ)*, С.-Петербургъ, I–III, 1863–1864.

Толстой 1916

МАТВѢВА Е. В., “Нѣскольکو воспоминаній о графѣ А. К. Толстомъ и его женѣ <письмо А. К. Толстого Е. В. Матвѣевой отъ 11 ноября 1868 г.>”, *Историческій вѣстникъ*, СХLIII, годъ 37-й, январь 1916, 162–178.

Ушаков I–IV

УШАКОВ Д. Н. (ред.), *Толковый словарь русского языка*, I–IV, Москва, 1935–1940.

ФАСМЕР I–IV

ФАСМЕР М., *Этимологический словарь русского языка*, I–IV, Москва, 1964–1973.

ФАСМЕРЬ 1909

ФАСМЕРЬ М. Р., *Греко-славянскіе этюды. III: Греческія заимствованія въ русскомъ языкѣ* (=Сборникъ Отдѣленія русского языка и словесности, LXXXVI, 1), С.-Петербургъ, 1909.

Химик 2004

ХИМИК В. В., *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*, С.-Петербург, 2004.

ЧЕРНЫШЕВА 1984

ЧЕРНЫШЕВА М. И., “Роль греческих параллелей в лексикологической практике. Отбор и подача слов греческого происхождения в Словаре русского языка XI–XVII вв.”, в: *Теория и практика русской исторической лексикографии*, Москва, 1984, 201–210.

ЧЕРНЫШЕВА 2006

ЧЕРНЫШЕВА М. И., автор-сост., *Словарь русского языка XI–XVII вв. Дополнения и исправления. Тетрадь первая. А–Б*, Отв. ред. В. Б. КРЫСЬКО, Москва, 2006.

Чичагов 1952

ЧИЧАГОВ В. К., “О некоторых вопросах истории русского языка в связи с историей слова ружье”, *Ученые записки Московского государственного университета*, 150, Москва, 1952, 283–310.

Чужбинский 1863

ЧУЖБИНСКІЙ А. (АФАНАСЬЕВЪ А. С.), *Очерки прошлаго*, I, С.-Петербургъ, 1863.

ШАНСКИЙ, БОБРОВА 1994

ШАНСКІЙ Н. М., БОБРОВА Т. А., *Этимологический словарь русского языка*, Москва, 1994.

ШАНСКИЙ, ИВАНОВ, ШАНСКАЯ 1961

ШАНСКІЙ Н. М., ИВАНОВ В. В., ШАНСКАЯ Т. В., *Краткий этимологический словарь русского языка*, Москва, 1961.

ШАПОВАЛ 2007

ШАПОВАЛ В. В., “О. А. Анищенко. Словарь русского школьного жаргона XIX века. М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2007. — 386 с. [рец.]”, *Русский язык в научном освещении*, 2007, 2(14), 296–312.

ШВЕДОВА 2007

ШВЕДОВА Н. Ю. (ред.), *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*, Москва, 2007.

References

Anikin A. E., *Russkii etimologicheskii slovar'*, I, Moscow, 2007.

Anishchenko O. A., *Slovar' russkogo shkol'nogo zhargona XIX veka*, Moscow, 2007.

Bondaletov V. D., “Grecheskie elementy v uslovnikh iazykakh russkikh torgovtsev i remeslennikov,” in: *Etimologicheskie issledovaniia po russkomu iazyku*, VII, Moscow, 1972, 20–25.

Bondaletov V. D., “Grecheskie zaимstovaniia v russkom, ukrainom, belorusskom i pol'skom argo

(k probleme genezisa i kontaktirovaniia sotsial'nykh dialektov slavianskikh iazykov),” in: *Etimologiiia 1980*, Moscow, 1982, 64–79.

Bondaletov V. D., *Inoiazychnaia leksika v russkikh argo*, Kuybyshev, 1990.

Bondaletov V. D., *V. I. Dal' i tainye iazyki v Rossii*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Chernysheva M. I., “Rol' grecheskikh parallelei v leksikologicheskoi praktike. Otbor i podacha slov grecheskogo proiskhozhdeniia v Slovare russkogo

- языка XI–XVII vv.,” in: *Teoriia i praktika russkoi istoricheskoi leksikografii*, Moscow, 1984, 201–210.
- Chernysheva M. I., *Slovar’ russkogo iazyka XI–XVII vv. Dopolneniia i ispravleniia*, I, Moscow, 2006.
- Chichagov V. K., “O nekotorykh voprosakh istorii russkogo iazyka v sviazi s istoriei slova ruzh’e,” *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 150, Moscow, 1952, 283–310.
- Dobrodomov I. G., “Potasovka,” *Russkaia rech’*, 1987, 1, 133–136.
- Dobrodomov I. G., *Problemy etimologii v normativnoi leksikografii*, Magadan, 2009.
- Dobrudomov I. G., “Sotsiologiia iazyka v istoriko-leksikologicheskikh i etimologicheskikh issledovaniakh,” in: *Etimologiiia. 2006–2008*, Moscow, 2010, 82–100.
- Dobrudomov I. G., “[Rev.:] A. E. Anikin. Russkii etimologicheskii slovar’ Vyp. 1 (a — aiushka). M.: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 2008, 368 s.,” in: *Etimologiiia. 2006–2008*, Moscow, 2010, 262–276.
- Dobrushina E. R., “Slovar’ khristianskoi leksiki: sostav slovnika,” *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia 3: Filologiiia*, 2012, 3 (29), 105–113.
- Dobrushina E. R., fr. Konstantin Pol’skov, Litvintseva K. M., Khangireev I. A., “Ot «abbata» do «analoiia»: fragment «Lingvo-entsiklopedicheskogo slovaria russkoi khristianskoi leksiki,” *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia 3: Filologiiia*, 2011, 3 (25), 119–146.
- Kamchatnov A. M., *Istoriia i germenevtika slavianskoi Biblii*, Moscow, 1998.
- Khimik V. V., *Bol’shoi slovar’ russkoi razgovornoj ekspressivnoi rechi*, St. Petersburg, 2004.
- Korovushkin V. P., *Slovar’ russkogo voennogo zhargona*, Yekaterinburg, 2000.
- Maksimov S. V., *Krylatye slova*, Moscow, 1955.
- Petrov S. V., “Smorozit,” *Russkaia rech’*, 1975, 1, 144–145.
- Preobrazhenskii A. G., *Etimologicheskii slovar’ russkogo iazyka*, I–III, Moscow, 1910–1949.
- Priemysheva M. N., *Tainnye i uslovnnye iazyki v Rossii XIX veka*, I–II, St. Petersburg, 2009.
- Rogozhnikova R. P. (ed.), *Svodnyi slovar’ sovremennoi russkoi leksiki*, I–II, Moscow, 1991.
- Skliarevskaia G. N., *Slovar’ pravoslavnoi tserkovnoi kul’tury*, 2nd ed., Moscow, 2008.
- Ushakov D. N. (ed.), *Tolkovyi slovar’ russkogo iazyka*, I–IV, Moscow, 1935–1940.
- Shanskii N. M., Bobrova T. A., *Etimologicheskii slovar’ russkogo iazyka*, Moscow, 1994.
- Shanskii N. M., Ivanov V. V., Shanskaia T. V., *Kratkii etimologicheskii slovar’ russkogo iazyka*, Moscow, 1961.
- Shapoval V. V., “[Rev.:] O. A. Anishchenko. Slovar’ russkogo shkol’nogo zhargona XIX veka. M.: OOO «Izd-vo ELPIS», 2007. — 386 s.,” *Russkii iazyki v nauchnom osveshchenii*, 2007, 2(14), 296–312.
- Shvedova N. Iu., Kurkina L. V., Krysin L. P., *Tolkovyi slovar’ russkogo iazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov*, Moscow, 2007.
- Vasmer M., *Etimologicheskii slovar’ russkogo iazyka*, I–IV, Moscow, 1964–1973.
- Vinogradov V. V., “Leksikologicheskie zametki. Vopros ob istoricheskom slovare russkogo literaturnogo iazyka XVIII–XX vv.,” *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo defektologicheskogo instituta. Kafedra russkogo iazyka i literatury*, 1941, 1, 3–57.
- Vinogradov V. V., “Ob ekspressivnykh izmeneniiakh znachenii i form slov,” *Sovetskoe slavianovedenie*, 1968, 4, 3–11.
- Vinogradov V. V., *Istoriia slov*, Moscow, 1994.
- Volodarskaia E. F., Remneva M. L., *Slovar’ istorii russkikh slov*, I, Moscow, 2009—.
- Zhuravlev A. F., “[Rev.:] Vladimir Orel. Russian Etymological Dictionary. Book 1: A–I; Book 2: K–O. Octavia & Co. Press, 2007. 816 pp.,” in: *Etimologiiia 2006–2008*, Moscow, 2010, 276–285.

Игорь Георгиевич Добrodomov

д. филол. наук, профессор, заведующий кафедрой
общего языкознания Московского педагогического
государственного университета
119991 Москва, Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
Россия / Russia